

МЕЖДУ НЕБОМ И МОСКВОЙ

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ
НАПИСАЛА ЖИЗНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАЙЯ РАЙ

18+

Майя Рай

Между небом и Москвой.

История, которую написала жизнь

<https://litres.ru/74344848>

SelfPub; 2026

Аннотация

Знаете эту иллюзию, что если любить мужа из всех сил, терпеть его «сложный характер» и закрывать глаза на предательства, он однажды всё поймёт? Мария верила в неё тринадцать лет. Тринадцать лет, которые ушли на то, чтобы понять: спасать нужно не брак, а себя.

В этой истории будут и слёзы, и литры пролитой боли, и оглушающее одиночество в моменты, когда земля уходит из-под ног. Бытовое обесценивание, измены и рухнувший мир, который казался незыблемым. Но это не просто история о предательстве — это книга про то, как пройти через самый тёмный период, собрать себя из осколков и снова научиться дышать в большом городе.

Честно, больно и откровенно — о том, как перестать быть «удобной» и начать жить.

P.S. Отдельный привет новой жене бывшего. Сочувствую, милая!

Все персонажи, имена и события являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми — чистая случайность.

Содержание

Вступление.	5
ГЛАВА 1. Крылья и чемодан на колёсиках	8
ГЛАВА 2. Розовые очки и первые трещины	28
Глава 3. Роман без продолжения	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Между небом и Москвой. История, которую написала жизнь

Вступление.

Говорят, лучшие сюжеты пишет сама жизнь. Но юристы настоятельно попросили меня напомнить: перед вами — художественное произведение. В нем много боли, трансформации, искаженных зеркал и сброшенных масок. Считайте эту книгу терапевтической фантазией. Но если кто-то из читателей вдруг узнает в этих страницах свои черты, свои привычки или свой холодный затылок... что ж, это отличный повод задуматься над своей собственной ролью.

Каждая женщина, выходя замуж, искренне верит, что её «долго и счастливо» — это не строчка из детской сказки, а единственно возможная реальность. Мы вступаем в брак с огромным багажом надежд, искренней любви и святой уверенностью в том, что выбранный мужчина станет той самой нерушимой стеной, за которой можно укрыться от всех бурь этого мира. Мы строим планы, рисуем в голове уютный дом, наполненный детским смехом, ароматом выпечки и взаимным теплом. Но жизнь умеет преподносить уроки с жестокой

прямотой. Иногда «надёжная стена» оказывается трухлявым забором, а человек, которому ты доверила свою жизнь, превращается в главный источник боли, холода и предательства.

Долгое время я задавалась вопросами: почему я? За что мне всё это? Почему я терпела, прощала, искала оправдания там, где нужно было просто бежать без оглядки?

Ответ пришёл далеко не сразу. Лишь пройдя через физическое и эмоциональное истощение, через предательство тех, кого считала близкими, и через личный ад с маленьким ребёнком на руках, я поняла одну простую истину: все эти испытания были предназначены не «за что-то», а «для чего-то». Для того чтобы смыть с меня иллюзии, научить чувствовать и защищать свои границы и, наконец, выковать во мне сталь.

Я пишу эту историю не для того, чтобы пожаловаться или лишний раз перебрать грязное бельё. Нет. Для меня эти страницы — способ окончательно закрыть тот затянувшийся, болезненный гештальт. Закопать его как можно глубже в землю и привалить тяжелейшей бетонной плитой, чтобы прошлые призраки больше никогда не смели тревожить мой покой.

А ещё — это книга-предупреждение. Моя откровенная исповедь для каждой женщины, которая прямо сейчас, возможно, сидит в четырёх стенах, плачет от бессилия, видит «красные флаги» и уговаривает себя «ещё немного потерпеть ради семьи». Ну и, конечно, небольшой путеводитель

для текущей — уже третьей по счёту — супруги моего бывшего мужа. Спойлер: в этой эстафете финиша нет, ты тоже не последняя.

Поверьте моему опыту: терпеть не нужно. Вы у себя ОДНА. И ваши дети достойны видеть счастливую, сильную мать, а не растоптанную тень.

Эта история о том, как рушился мой мир, как я собирала себя по кусочкам из руин и как, пройдя через полнейшую тьму, я наконец-то увидела свой рассвет...

Но чтобы понять, как я оказалась в этой точке, нужно вернуться в самое начало. Туда, где мне было всего восемнадцать, где в руках был чемодан на колёсиках, а в голове — твёрдая уверенность, что весь мир лежит у моих ног...

ГЛАВА 1. Крылья ичемодан на колёсиках

В Москве любят повторять с легким пренебрежением: «Понаехали тут и остались». Но мало кто задумывается, от чего именно люди уезжают.

Я уезжала от пустоты. Хотя... даже не так. Меня буквально вырвали из этой пустоты. Как бережливый садовник, спасая редкий и дорогой сорт розы из бесплодной, засохшей почвы, аккуратно пересаживает его в новую, сильную землю, так и мама «пересаживала» меня. В городе и стране, где я окончила школу, будущего просто не существовало. Мы в семье шутили, но с легкой грустью называли нашу родину «Банановой республикой». Красиво, тепло, но совершенно безнадежно для молоденькой девушки.

Мама — женщина редкого, стального характера, готовая ради детей свернуть горы, пробить любые стены и совершить невозможное. Я росла в тени её невероятной силы и, сколько себя помню, заворожённо пыталась разгадать секрет этого внутреннего монолита. В детстве я примеряла её туфли на высоком каблуке, слушала, как уверенно звучала её поступь в коридоре, и верила, что вместе с этим стуком мне передастся и её невидимая броня. Мама никогда не пасовала перед чужой глупостью или жестокостью; в её взгляде читалась

такая незыблемая правота, перед которой отступали любые проблемы. Я искренне, до дрожи в коленях хотела вырастить её точным слепком — такой же гордой, бескомпромиссной, бетонирующей любые попытки себя обидеть ещё на подлёте.

Но жизнь пошла по другому сценарию. И, пожалуй, самое болезненное, что я долго носила внутри, — это жгучий, разъедающий стыд перед ней.

Стыд за то, что в решающие моменты я не смогла проявить ту самую мамину сталь. За то, что, выбирая свой путь, я сворачивала не туда, позволяя растворять себя в чужих правилах. Когда нужно было ударить кулаком по столу, снести преграды и уйти, не оглядываясь — так, как это без колебаний сделала бы она, — я стояла с опущенными плечами, глотала слезы, искала оправдания и уговаривала себя «ещё немного потерпеть». Мне казалось, что каждым своим компромиссом, каждым вытерпленным тихим унижением я предаю не только себя, но и маму, которая вложила в меня столько любви и верила, что растит победительницу.

Мне потребовались годы и полная разруха в личной жизни, чтобы наконец осознать: я не бракованная копия своей матери. Я — другой человек. У меня другой запас прочности, иная чувствительность и свой собственный, невыносимо сложный урок, который мне нужно было пройти до самого дна, чтобы научиться выковывать собственную сталь — не по наследству, а в огне личного ада.

О нашей «великой эмиграции» мы начали мечтать, когда

мне исполнилось лет четырнадцать.

Помню один теплый, соленый день. Мы гуляли по крымскому побережью — на море ездили каждый год, это было нашей маленькой семейной традицией. Волны тихо шуршали галькой, в воздухе пахло паленым солнцем и кипарисами. Вдруг где-то высоко в синеве раздался нарастающий, вибрационный гул, от которого задрожала земля под ногами. Над нами, рассекая нежно-голубое небо серебряным лезвием, с оглушительным ревом промчался реактивный самолет — истребитель или разведчик, тонкое хищное крыло.

Я заворуженно подняла голову, провожая его взглядом, пока он не превратился в маленькую точку.

— Хочешь полетать? — тихо спросила мама, щурясь от солнца.

В свое время мама страстно мечтала стать стюардессой, но её строгие родители встали стеной: «Никаких небес, нужно иметь серьезную профессию». Несбывшаяся мечта так и осталась жить где-то на дне её сердца. Она так и не надела синий, элегантный костюм и не поднялась по трапу в качестве хозяйки неба, но эта нерастроченная тяга к высоте и свободе пропитывала всё, за что она бралась. Мама никогда не мыслила мелко. В её масштабе планов, в её решениях и даже в том, как она смотрела на этот мир, всегда чувствовался размах человека, которому тесно в четырех стенах обычной жизни. В тот день, глядя на тающий в облаках серебристый след, я впервые остро почувствовала: эта мечта о невидимых

крыльях и далеких горизонтах — наше общее наследство. Мама передала мне её не через слова, а через ту самую отчаянную жажду вырваться за пределы душевной, предсказуемой будничности, где тебе заранее расписали, кем ты должна быть и как правильно жить. Мы обе искали свое «небо».

— Хочу, — пылко ответила я, не отрывая глаз от неба. — Я хочу летать на истребителях!

Мама тепло засмеялась и погладила меня по плечу:

— Ну, дочь, истребитель — это слишком сложно, особенно для девушки. А давай лучше стюардессой? Как я когда-то хотела?

— Давай! — согласилась я без колебаний.

С этого мгновения наша мечта обрела крылья. Пока я доучивалась в выпускном классе, мама уже жила в Москве, пробивая нам дорогу. Она буквально ночами сидела за компьютером, рассылая моё резюме во все топовые авиакомпании страны. И к моменту, когда для меня отгремел школьный выпускной, мамин план сработал: нас ждали сразу на несколько собеседований. Аттестат в охапку, чемодан в руки — и привет, столица!

Но Москва не спешила раскрывать мне свои объятия.

После уютной, понятной провинции столица встретила меня оглушительным гулом подземки, бесконечным людским потоком и постоянным ощущением, что ты здесь — всего лишь песчинка. Город несся на бешеной скорости, а я, едва перешагнув порог во взрослую жизнь, пыталась за ним

успеть. Мама верила в меня так искренне и безудержно, что мне казалось: упасть или не справиться я просто не имею права. Каждое собеседование в строгих офисах авиакомпаний было настоящим испытанием на прочность. Я отглаживала белые блузки, учила наизусть профессиональные термины, выравнивала осанку и старалась выглядеть той самой уверенной в себе девушкой из маминой мечты, пока внутри всё сжималось от страха не оправдать её надежд.

Москва не давала времени на раскачку и не прощала слабостей. Это был мой первый настоящий тест на взрослость — без скидок на возраст, юношескую наивность и наивную веру в то, что весь мир вращается вокруг нас.

Первое же собеседование в крупной авиакомпании закончилось полным провалом. HR-менеджер с холодным, отстраненным голосом чеканно произнес в телефонную трубку: «Вы нам не подходите. Восемнадцать лет — слишком юный возраст для нашей службы безопасности».

Я положила трубку и расплакалась прямо на улице. Слезы застилали глаза, казалось, что мир рухнул, а мечта, едва коснувшись меня, рассыпалась в пыль.

Мама резким, но нежным движением взяла меня за плечи: — А ну-ка не реви! Слышишь? У нас есть еще один вариант. Поехали домой, умоешься, наклеишься — и вперед. Мы свое заберем.

Вторая авиакомпания устраивала настоящий жесткий отбор: психологические тесты, собеседования на стрессоустой-

чивость, бесконечные проверки. Атмосфера в коридорах была накалена до предела — вокруг меня девчонки и парни сжимали в руках папки с документами, сглатывали нервные комки и с тревогой всматривались в каждую открывающуюся дверь кабинета. Когда дошло до английского языка, я мысленно передала пламенный привет своей школьной учительнице. Точно той самой, которая из раза в раз заваливала меня на уроках, разглядывая меня сквозь очки с холодным скепсисом, и изо всех сил мечтала вклеить мне тройку в аттестат, убеждая, что языки — абсолютно «не моё». Встреча с экзаменатором авиакомпании всё перевернула. Вместо привычного школьного давления я почувствовала азарт. Отвечая на сложные вопросы и легко переходя на беглую речь, я словно сбрасывала с себя старые ярлыки, которые на меня навешивали годами. Выйдя из кабинета на солнечную улицу, я впервые за долгий период вдохнула полной грудью. Это была не просто маленькая победа над тестом — это было первое доказательство того, что чужое мнение обо мне больше не имеет никакой силы.

Жизнь набрала бешеное ускорение. Сутки словно сжались до нескольких часов, а график превратился в нескончаемый марафон на выносливость. Между интенсивными, выматывающими курсами бортпроводников — с постоянными зачетами, аварийно-спасательной подготовкой и строгой дисциплиной — я каким-то чудесным образом успела сдать вступительные экзамены в Университет правитель-

ства Москвы на юридический факультет, выбрав гражданско-правовую специальность.

Выбор был осознанным. Я понимала: красота и романтика небес — это прекрасно, но мне нужен был крепкий, надежный фундамент под ногами. Учиться решила на заочном. Вступая во взрослую жизнь, я твердо дала себе слово, что буду сама зарабатывать и самостоятельно оплачивать учебу, не перекладывая эту финансовую ношу на маму.

Со стороны это казалось безумием — совмещать строгий авиационный тренинг, где за малейшую ошибку могли отчислить, и подготовку к университетским сессиям, но внутри меня горел такой мощный азарт, что усталость просто не успевала догнать. Я физически ощущала, как расширяются границы моих возможностей, и с гордостью понимала: я справляюсь.

И вот курсы окончены, форма идеальна пошита, синие пилотки надеты. Началось!

Жизнь окончательно превратилась в пестрый калейдоскоп из командировочных эстафет, ночных рейсов, бесконечной смены часовых поясов, взлетов, посадок и заученных до автоматизма инструкций. Бессонные ночи, когда вместо сна ты встречаешь рассвет на высоте десяти тысяч метров, раздавая касалетки с горячим и улыбаясь пассажирам, стали моей новой нормой. В чемодане рядом с запасными колготками и косметичкой всегда лежали университетские конспекты и кодексы — я учила статьи и лекции в гостиничных

номерах между рейсами, под гул кондиционеров и шум чужих городов за окном.

Первый семестр в университете я в самом буквальном смысле слова пролетела — находясь в небе. Это была жизнь на грани человеческих возможностей, где будильник мог прозвонить и в два часа ночи, и в четыре утра, а понятие «выходной» потеряло всякий привычный смысл. Но несмотря на адскую усталость, когда я шла по терминалу аэропорта в форме, чувствуя на себе взгляды прохожих, внутри меня распирала невероятная гордость.

На свою самую первую пару в институте я примчалась прямо с рейса — без сна, но на бешеном адреналине. Я влетела в здание университета в строго синем форменном костюме, на каблуках, с безупречно гладкой прической, идеальным макияжем и небольшим чемоданом на колесиках, который звонко и ритмично стучал по старинному университетскому паркету. Когда я открыла тяжелую дверь и вошла в аудиторию, разговор на мгновение стих. Я резко выбивалась из общей массы — на фоне расслабленных, по-детски одетых первокурсников я смотрелась пришельцем из другого, взрослого и недостижимого мира авиации. Но среди этой шумной и немного суетливой стайки студентов мой взгляд сразу выхватил одного человека.

Антон был старостой нашей группы. Высокий, статный, с уверенной выправкой и какой-то особенной, давящей взрослой харизмой. На фоне вчерашних школьников он выглядел

настоящим, сформировавшимся мужчиной — ещё бы, старше меня на целых восемь лет, с уже пройденным этапом в виде неудачного брака и маленького ребёнка. В нём чувствовалась абсолютная заземлённость и абсолютная уверенность в собственной правоте. Мне, постоянно летающей в облаках и уставшей от собственной уязвимости, тогда казалось, что рядом с таким человеком можно обрести ту самую надёжную опору.

Правда, этот почти идеальный образ с первых же минут портят его шутки — странные, плоские, дурацкие и почти всегда не к месту. Антон искренне считал себя обладателем тонкого, искрометного ума, но его «юмор» больше напоминал слона в посудной лавке. Это была ядовитая смесь чёрного юмора, скрытой агрессии и абсолютного, глухого отсутствия эмпатии. Он обладал удивительной способностью отвесить самый больно́й комментарий именно в тот момент, когда человек был наиболее уязвим.

Особенно ярко это проявлялось на людях, в компании. На первый взгляд — ничего криминального, обычный дружеский стеб, и на любые претензии у него всегда был готов удобный щит: «Да ты чего, я же просто пошутил! У тебя что, чувства юмора нет?». Но за этой фальшивой улыбкой всегда стояла одна-единственная цель — исподтишка уколоть, обесценить, публично выставить другого в нелепом свете, чтобы на этом сером фоне самому казаться чуть выше, умнее и увереннее. Но тогда, ослепленная его внешней взрос-

лостью, я предпочла списать эти звоночки на обычное мужское своеобразие.

Из всей нашей разношёрстной группы быстро выделился наш маленький, неразлучный треугольник: я, Антон и бойкая, острая на язык девчонка Наташа. Мы стали практически неразлучны — вместе оккупировали задние ряды в аудиториях, коротали время за стаканами паршивого университетского кофе в перерывах, делились конспектами и бесконечно хохотали на лекциях.

Наташа была единственной во всей группе, кто абсолютно не терялся перед авторитетом взрослого, статного старосты и не поддавалась его давящей харизме. У неё был встроенный радар на любую фальшь. Каждый раз, когда Антон в очередной раз выдавал ядовитую шутку, пытался кого-то обесценить или с невероятно умным видом изрекал какую-нибудь глубокомысленную ересь, Наташа медленно поворачивалась к нему, выразительно закатывала глаза и с чувством, от души произносила:

— Ну ты, Антон, и муда-а-а-а-к... — смешно и акцентированно растягивая букву «а».

Мы тут же заливались искренним смехом, и сам Антон тоже снисходительно ухмылялся. Тогда это казалось просто милой дружеской подначкой, лёгким юмором нашей студенческой компании и проявлением той самой «крепкой дружбы».

Кто бы мог подумать, что в этой вроде бы невинной фразе,

брошенной между лекциями по гражданскому праву, в абсолютной точности кроется вся горькая правда о моём будущем. Наташа просто называла вещи своими именами, но тогда, в девятнадцать лет, с дипломом бортпроводника в кармане, бесконечным небом за плечами и наивной романтикой в голове, я была глуха к смыслу этих слов. Я слышала только звонкий смех и верила, что впереди нас ждёт только самое лучшее.

Из-за бесконечных рейсов, ночных перелетов и постоянной смены часовых поясов у меня предсказуемо начали копиться хвосты. Учеба на юридическом требовала вьедливости, погружения и банального присутствия, а я разрывалась между небесной романтикой и заучиванием статей кодексов. К летней сессии над моей студенческой жизнью нависла внушительная туча из зачетов, недосдач.

Пришлось срочно спасать положение. В коротких перерывах между полетами я ночи напролет зубрила кодексы, а днем бегала по кафедре, вылавливая преподавателей.

И всё это время Антон был рядом.

Он взял на себя роль верного рыцаря-хранителя. Пока я сидела в кабинетах, дрожа над очередным билетом по гражданскому праву, Антон терпеливо ждал меня в коридоре, подпирая спиной стену под дверью аудитории. Когда я выходила — уставшая, но счастливая, с очередным «зачтено» в зачетке, — он встречал меня искренней улыбкой.

Мы спускались в университетский дворик, усаживались

на нагретую солнцем деревянную лавочку, пили горячий кофе из пластиковых стаканчиков, жевали сухие университетские пирожки и разговаривали. Обо всем на свете.

Мне всегда было проще находить общий язык с мужчинами, чем с девчонками. Без женских интриг, намеков и скрытой конкуренции — все просто, понятно и по делу. А с Антоном было еще и удивительно легко. Он казался взрослым, надежным, глубоким человеком.

На тот момент он работал самым обычным охранником в какой-то фирме, но говорила в нем не профессия, а жизненный опыт. Антон много рассказывал про свою семью, про работу, про взросление и... про свой распавшийся брак.

Однажды, когда разговор зашёл про его прошлое и причинённую ему боль, Антон неожиданно затих. Он опустил взгляд, посмотрел куда-то в сторону и тихо, с искренней, почти осязаемой горечью в голосе выложил свою версию семейной драмы:

— Она поехала отдыхать в Испанию с нашей дочкой. А вернувшись... просто положила передо мной на стол фотографии. Оказалось, закрутила там роман с каким-то местным испанцем. Поиграла в любовь, сухо показала мне снимки и просто ушла. Без лишних слов.

У меня от этой истории перехватило дыхание. В силу своей девятнадцатилетней юности, неискущённости и чистого романтического максимализма я искренне не могла этого вместить. Как можно так хладнокровно разбить сердце? За

что? Зачем причинять такую дикую боль человеку, который так старался для семьи, искренне любил и строил совместные планы? В моей голове моментально зажегся яркий, неоновый транспарант: «Бедный, недопонятый, искренний Антон! Как же жестоко и несправедливо с ним поступили!». Во мне мгновенно проснулся мощный инстинкт спасателя. Мне отчаянно захотелось окружить его теплом, загладить эту чужую черствость, согреть и на личном примере доказать, что не все женщины способны на такое предательство. Я хотела стать для него той самой — верной, понимающей, спасительной гаванью. Тогда, в силу возраста, я ещё не знала главного и очень жесткого правила жизни: мужчины, которые так умело и вдохновенно лепят из себя несчастных жертв коварных бывших, почти всегда являются главными режиссерами и сценаристами собственных трагедий. За этой красивой сказкой об «измене на ровном месте» почти всегда скрываются годы тихой невыносимости, обесценивания и эмоционального ада, из которого женщина просто сбегает любым доступным способом. Но на тот момент я не задавала лишних вопросов. Я видела перед собой только благородного, раненого рыцаря, которому была нужна моя любовь и поддержка.

Все университетские хвосты были благополучно закрыты, зачетка пестрела свежими автографами преподавателей, и меня снова закружила в вихре любимая работа.

Я действительно обожала небо. Мне нравилось в этой про-

фессии буквально всё: безумный, ни на что не похожий график, частая смена декораций за окном иллюминатора, люди, с которыми сводила судьба. Конечно, далеко не все коллеги были ангелами с крыльями, да и пассажиры периодически устраивали «проверку на прочность», но романтика высоты перекрывала абсолютно любые минусы. Я чувствовала себя взрослой, успешной и абсолютно свободной.

А потом мне исполнилось двадцать.

Наверное, через это проходят все семьи. Когда ребенок вырастет, начинает сам зарабатывать и принимать решения, градус родительской опеки иногда зашкаливает, достигая критической точки. Взаимное напряжение, которое копилось по капле, в один день прорвалось громкой и глупой ссорой с мамой. Эмоции захлестнули меня с головой. На пике юношеского максимализма я решила: «Всё, хватит! Я взрослая!»

Пока мама была на работе, я с замирающим сердцем начала судорожно скидывать в сумки и чемоданы свою жизнь: вещи, любимые туфли, документы и, конечно же, синюю форму бортпроводника.

И вот я стою у входа в метро. В руках — тяжелые сумки, в душе — ураган из обиды и страха, а в голове — абсолютная пустота. А куда идти-то?

В двадцать лет в огромном мегаполисе ты кажешься себе ужасно взрослой, пока не оказываешься на улице с чемоданом. Первым и единственным человеком, который всплыл в

памяти, был Антон. Ведь больше — просто некому.

Я сжала телефон и быстро набрала сообщение:

«Антон, у меня проблема. Можно я поживу у тебя какое-то время, пока не сниму квартиру? У тебя вроде бы свободна одна комната?»

В ответ — глухая тишина. Минуты тянулись как вечность. «Может, не увидел? Или занят?» — паника подступала к горлу. Не выдержав, я нажала на вызов.

После нескольких длинных гудков Антон наконец поднял трубку. Захлебываясь слезами и с трудом выговаривая слова, я вывалила на него всю свою беду. На том конце провода раздался его слегка сонное, но абсолютно спокойное:

— Приезжай.

Он назвал адрес. Я сжала ручку чемодана и шагнула в метро, даже не подозревая, что этот шаг полностью перепишет мою жизнь.

Метро казалось бесконечным, а мир за его пределами — огромным, враждебным и пустым. Наконец поезд вынес меня на станцию «Речной вокзал».

У выхода из метро меня ждал Антон. Без лишних вопросов и упреков он уверенно шагнул навстречу, подхватил мои неподъемные чемоданы и повел за собой в сумерки спального района.

А я плелась позади него — маленькая, оглушенная собственным поступком, тихо и беспомощно плавающая в слезах. Каждый звук на улице казался угрозой. От каждой проезжа-

ющей мимо темной машины я вздрагивала и шарахалась в сторону, словно испуганная, загнанная в угол собака. Мне повсюду мерещилась мама. Казалось, еще секунда — дверца автомобиля распахнется, раздастся её голос, и развернется грандиозная катастрофа, от которой мне уже не скрыться.

Мое тело еще не осознавало, что я сбежала; оно помнило лишь один закон — закон маминого авторитета, перед которым я трепетала всю жизнь.

Антон шел впереди, не оборачиваясь, но его молчаливое присутствие с тяжелыми сумками в руках, казалось единственным островком безопасности в этом рушащемся мире. Я шла за ним, слепо доверяя человеку, который обещал дать мне кров.

Кто же знал, что этот «спаситель» введет меня в совершенно другую ловушку, из которой спустя годы придется вырываться с куда большим страхом и болью. Но тогда, в тот вечер на Речном вокзале, мне нужно было просто выжить и перешагнуть через черту.

Я смутно помню, как переступила порог его квартиры. Память сохранила лишь то, как я зашла в выделенную мне комнату, села на край дивана и просидела так в полной темноте и оцепенении, наверное, часа два. Психика просто отключилась, защищаясь от стресса.

Пришла в себя, только когда Антон тихо постучал и заглянул ко мне: — Пошли на кухню, попьем чаю.

Он был весел, спокоен и от него веяло той самой взрослой,

надежной защитой, которой мне сейчас так не хватало. В его присутствии тревога наконец начала отступать.

Но когда я зашла на кухню, мой внутренний педант испытал настоящий шок. Я, конечно, понимала, что иду в холодящую берлогу, но гарнитур и плита были настолько грязными, что к ним страшно было прикоснуться. В холодильнике уныло одиночествовала палка дешевой колбасы и полбатона хлеба.

На следующий день Антон сделал мне дубликат ключей, показал, что и где лежит, и ушел на работу. А я закатала рукава. Первым делом я принялась отмывать эту кухню и всю кухонную утварь. Я терла шкафы и кастрюли так, будто от их чистоты зависела моя новая жизнь. Через несколько часов всё блестело идеальной, почти хирургической чистотой.

Затем я поехала в ближайший супермаркет. Накупила полные пакеты еды — всё, к чему привыкла дома: овощи, мясо, фрукты, вкусности. Еле дотащила эти два тяжелых баула до квартиры, но внутри было чувство гордости: я справляюсь, я взрослая!

Так мы и стали жить вместе.

Постепенно Антон начал проявлять ко мне совсем не дружеский интерес. По вечерам мы часто сидели в обнимку на диване и смотрели какие-то фильмы. В один из таких вечеров я, абсолютно обессиленная после тяжелого рейса, просто уснула у него на плече. Просыпаюсь утром — и понимаю, что сплю не в своей комнате, а в его кровати. «Ну да ладно,

бывает, — подумала я спроне. — Наверное, просто не захотел меня будить».

Антон быстро усвоил этот паттерн. Теперь во время просмотра кино он то и дело посматривал на меня: не засыпаю ли я снова?

И вот в один из вечеров произошло то, к чему я, при всей своей внешней зрелости, оказалась абсолютно не готова. Антон стал моим первым мужчиной.

Когда всё произошло и он увидел на простыне кровь, в его глазах отразилось полное замешательство.

— У тебя что, месячные, что ли? — растерянно спросил он.

Я смущенно сжалась, попыталась прикрыться одеялом и тихо выдавила:

— Нет...

— Ты... девочка, что ли?! — с истинным ужасом и шоком в голосе произнес он.

— Угу... — едва слышно пробормотала я, уткнувшись носом в подушку.

В тот момент он, кажется, впервые осознал, кто на самом деле находится рядом с ним. Не роковая, недоступная леди с небес, а двадцатилетняя девчонка, которая доверила ему не только свой чемодан, но и всю себя.

После этого вечера он действительно изменился. В нем появилась какая-то новая, трепетная нежность — так бережно обращаются с чем-то очень хрупким и ценным, что слу-

чайно попало в руки.

Спустя какое-то время к Антону в гости пришли друзья — компания молодых парней. На правах хозяина он презентовал меня им, словно свой самый главный и драгоценный трофей:

— Знакомьтесь, это Маша.

Парни, уже расположившиеся на кухне с бутылкой виски, мило «угукнули», поздоровались, назвали свои имена. Я не стала навязывать свое общество и, чтобы не мешать сугубо мужским разговорам, тихо ушла к себе в комнату, оставив их наедине с их пацанскими темами.

Когда за последним гостем закрылась дверь и в квартире снова воцарилась тишина, я вышла из комнаты. Антон сидел на кухне — уставший и слегка хмельной. Я подошла к нему сзади, тихонько обняла за плечи, а потом забралась к нему на колени.

Он крепко прижал меня к себе, уткнулся носом в мою шею, вдыхая запах моих волос, и тихо, по-детски искренне прошептал:

— Оставайся... Не уходи. Мне так с тобой хорошо... Я так хочу, чтобы ты родила мне девочку. Такую же красивую, как ты.

Тогда, в двадцать лет, я не приняла его слова про ребенка слишком всерьез — мне казалось, это просто пьяная романтика и красивый порыв. Но Боже, как же приятно это было слышать! Внутри распустилось тихое, затаенное счастье.

Мне казалось, что я наконец-то обрела тот самый дом, где меня ждут и любят.

Мы сидели так очень долго. Не было нужды говорить громкие слова — мы просто молчали, обнявшись, и наслаждались этим уютным, обволакивающим теплом.

Я верила, что у нас впереди целая жизнь, полная этой же нежности, еще не зная, как сильно ошибалась.

ГЛАВА 2. Розовые очки и первые трещины

Первые месяцы нашей совместной жизни действительно напоминали затянувшийся медовый месяц. Я буквально парила между облаками на любимой работе и нашей маленькой квартирой на Речном вокзале.

После того пронзительного вечера вопрос с поиском съёмного жилья закрылся сам собой — я окончательно обосновалась у Антона. Мне казалось, что я создала свой идеальный, взрослый мир: чистая, отмытая до блеска квартира, полные пакеты вкусной еды, которую я с любовью готовила после каждого рейса, и мужчина, который ждет меня дома. Я с пылом и энтузиазмом взяла на себя всю бытовую рутину. Мне нравилось заботиться о нем, нравилось чувствовать себя настоящей хозяйкой.

Антон тоже расцвел. Ему явно импонировало, что рядом с ним юная, красивая девчонка, которая создает уют, отлично зарабатывает, полностью закрывает свои расходы и не висит у него на шее.

Спустя еще несколько месяцев острые углы сгладились, и я помирилась с мамой.

Конечно, она сразу догадалась, где я. Как любая мать, она тревожилась, расспрашивала про мою жизнь, интересовалась

лась моим окружением. Когда я сбежала из дома, мама буквально сошла с ума от неизвестности. В огромном, чужом для нас городе, где юную девчонку на каждом шагу могли подстергать опасности, подвалы, не те компании и наркоманы, её страх был абсолютен. Она даже смогла разыскать номер Антона и позвонила ему напрямую с одним вопросом: «Она у тебя?»

Антон смутился и попытался соврать: «Я ... я ничего не знаю!», чем тут же с потрохами себя и выдал. Мама всё поняла. И только тогда слегка успокоилась.

Мне до сих пор безумно стыдно за этот случай. Насколько же глупой и эгоистичной я была тогда в своем двадцатилетнем бунте! Сейчас, пройдя через свой материнский опыт, я прекрасно понимаю каждый миллиметр её боли, всю ту адскую тревогу, которую я ей причинила. Прости меня, мамочка. Я только сейчас всё понимаю и принимаю твою боль...

Мы начали общаться с мамой как прежде. Я показывала маме фотографии Антона в «Одноклассниках», рассказывала о нем. Она всматривалась в его снимки и тихо напутствовала: «Ну... приглядишься к нему».

А на День города я наконец решилась официально познакомить Антона со своей семьей.

Смотрины прошли неоднозначно. Моя сестра сразу раскусила его и словно что-то почувствовала — Антон показался ей душным, нудным и неинтересным.

— Он еще и беззубый! — хохотала моя младшая сестра. А

вот маме он, наоборот, пришелся по душе: взрослый, рассудительный, внешне надежный и вроде бы не глупый мужчина. Материнское сердце окончательно успокоилось — дочь под присмотром, в безопасности.

Никто из нас тогда и близко не догадывался, что за этой внешней «рассудительностью» и спокойствием скрывалось на самом деле.

Прошел год. Первоначальный романтический флёр окончательно рассеялся, и на смену ему пришли жесткие бытовые притирки. Мы всё чаще спотыкались о разногласия, но я верила, что это нормальный этап адаптации двух взрослых людей.

Пока в одну из обычных ссор Антон сухо и отстраненно не произнес фразу, которая словно обухом ударила меня по голове:

— Я попрошу тебя освободить квартиру. Будь добра съехать.

«Освободить квартиру» ...

Не «нам надо отдохнуть друг от друга», не «давай поговорим». Это звучало как приказ администратора постояльцу или хозяина квартиры нерадивому жильцу. Вот так легко, за пару секунд, меня просто взяли и выгнали из дома, который я непрестанно отмывала, наполняла уютом и считала своим семейным гнездом.

Внутри оборвалось всё. Я молча сглотнула подступающие слезы, снова достала свои чемоданы, собрала вещи и ушла.

Назад. К родителям.

Самое паршивое, что всё это происходило ровно в тот момент, когда у меня начинался долгожданный отпуск. Вместо радостного предвкушения отдыха я оказалась на пепелище собственных иллюзий, в глубочайшей эмоциональной яме.

Я вернулась в свою детскую комнату абсолютным «разбитым корытом». Мама видела мое уничтоженное состояние. Она не стала читать нотации, не произнесла тошнотворное «а я же предупреждала!». Вместо этого она проявила какую-то невероятную, чуткую мудрость.

Посмотрев на мое бледное лицо и потухший взгляд, мама тихо сказала:

— Слушай, может, слетаешь отдохнешь куда-нибудь на море? Развеешься, подлечишь нервы, разгрузишь мозги...

Это было лучшее решение. Мне жизненно необходимо было вырваться из этого липкого морока, сменить обстановку и смыть с себя эту боль соленой морской водой.

«Да, пожалуй, надо», — подумала я. Спорить не было сил, да и душа требовала вырваться из этого душного московского тупика.

Глава 3. Роман безпродолжения

Я быстро нашла горящую путевку и улетела греться на турецкое побережье на целых две недели. Две недели у моря — наш семейный, проверенный временем золотой стандарт. За неделю или десять дней ты толком не успеваешь даже переключить тумблер в голове, а вот четырнадцать дней — в самый раз, чтобы пересобрать себя заново.

Из Турции я постоянно была на связи с домом. Как ни крути, а мама все равно переживала и держала руку на пульсе. После моего побега из дома и бурного «перформанса» от меня в её глазах можно было ожидать чего угодно.

Прошла неделя. Турция делала свое благотворное дело: морская вода постепенно смывала слезы, а южное солнце отогревало замерзшую душу.

Помню один из таких вечеров. Я — уже слегка подрумянившаяся, с красивым, ровным золотистым загаром — сидела на балконе своего номера. На голове — закрученное после душа мокрое полотенце, ноги закинута на перила. Я смотрела на бесконечную синюю гладь моря, вдыхала соленый вечерний бриз, тихо курила и наслаждалась тем, как ко мне постепенно возвращается внутренний покой.

Я снова начинала чувствовать себя живой, красивой и свободной.

В соседнего номера поднялся шум. Судя по громким голо-

сам и звону бокалов, туда только-только заселилась какая-то шумная мужская компания.

На балконе появились двое мужчин. Заметив меня — полуобнаженную, в одном полотенце, умиротворенно курящую на фоне заката — они на секунду замерли. Один из них засмутился и тут же сдал назад, урезоненный моим неприступным видом. Я же не повернула и головы. Ловить дзен под шум волн было куда интереснее, чем разглядывать новых соседей.

Но второй остался. Он вальяжно облокотился на перила своего балкона и начал открыто, с ироничной и игривой улыбкой разглядывать меня.

— Девушка, а можно с вами познакомиться? — окликнул он с той самой интонацией мужчины, который абсолютно уверен в собственном неотразимом обаянии.

Я медленно повернула голову в его сторону. Одарила его своим самым холодным и уничтожающим взглядом, без спешки затушила сигарету в пепельнице и коротко бросила:

— Не знакомлюсь.

И, не давая ему ни единого шанса на продолжение диалога, грациозно нырнула обратно к себе в номер. Разложила на столике косметику, укротила непослушные после моря волосы и не спеша начала собираться на ужин, я посмотрела на себя в зеркало — молодая, яркая и чертовски обворожительная. Оставались последние детали. Прыгнула в свои любимые ультрамодные выбеленные джинсы — в стразах и

дерзких рваных дырах. К ним отлично подошла обтягивающая белая майка, которая так выгодно оттеняла свежий золотистый загар, а финальным штрихом стали высокие босоножки на танкетке. В двадцать лет жизнь слишком прекрасна, чтобы тратить её на долгие слезы.

Этим вечером на пляже нашего отеля намечалась шумная пенная вечеринка. Тратить драгоценное время на банальный и чинный ужин я не собиралась: перекусив на скорую руку, я сразу из ресторана направилась к побережью. Я шла по подсвеченной мягкими фонарями пальмовой аллее, впитывая кожей густой, тёплый вечерний воздух, напитанный ароматами экзотических цветов и солью моря. Вдруг на секунду я столкнулась взглядом с мужчиной, шагавшим мне навстречу. Он открыто, ослепительно и с легким вызовом улыбнулся мне во все тридцать два белоснежных зуба. В ответ я лишь сдержанно приподняла бровь и, не сбавляя шага, прошла мимо — мало ли кто и с какими намерениями улыбается красивой девушке на курорте.

Спустившись к самому урезу воды, где уже вовсю гремели басы и белела огромная гора пены, я нашла уютный свободный столик чуть в стороне от эпицентра безумия. Горло предательски саднило и норовило разболеться — резкий контраст между дневным зноем, ледяными кондиционерами в номере и влажным вечерним бризом не прошёл бесследно.

Я заказала себе большой бокал горячего пряного пунша.

Прим

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.